

Въ сочельникъ.

... Какъ-то разъ я сидѣлъ въ кабачкѣ съ нѣкимъ человѣкомъ и, скуки ради, уговаривалъ его разсказать мнѣ какуюнибудь исторію изъ его жизни. Собесѣдникъ мой былъ субъектъ невѣроятно изодранный и истертый,—казалось, что онъ всю жизнь свою шелъ какими-то тѣсными мѣстами и всюду задѣвалъ своимъ тѣломъ, вслѣдствіе чего костюмъ на немъ превратился въ лохмотья, а тѣло куда-то исчезло, какъ будто его сорвало съ костей. Былъ этотъ человѣкъ тонко, угловатъ и совершенно лысъ,—на желтомъ его черепѣ не росло ни одного волоса. Щеки у него провалились, скулы торчали двумя острыми углами и кожа на нихъ была такъ туго натянута, что даже лоснилась, тогда какъ всюду па лицѣ она была сплошь изрѣзана тонкими морщинами. Но глаза у него смотрѣли бойко и умно; хрящеватый длинный носъ то и дѣло насмѣшливо вздрагивалъ и рѣчь этого человѣка очень гладко лилась изъ его устъ полузакрытыхъ жесткими и рыжими усами. Мнѣ думалось, что жизнь его была очень интересна.

— Разсказать вамъ исторію мою?—спросилъ онъ меня сиповатымъ голосомъ.— Такъ-съ... Надо разсказать коли вы угощаете... Но ежели всю исторію—это не годится... чрезмѣрной длины жизнь я прожилъ!.. Скучно слушать и не весело разсказывать... А вотъ кусочекъ, анекдотецъ какойнибудь могу! Желаете? Хорошо-съ! Но только вы спросите еще парочку пивка... за труды мнѣ. Вѣдь иной разъ для человѣка опуститься въ свое прошлое можетъ быть столько же непріятно, какъ въ помойную яму слазить...

...Разскажишко этотъ, сударь вы мой, едва ли покажется вамъ значительнымъ и для вашей писательской дѣли пригоднымъ. Но для меня онъ... мнѣ онъ правится. Дѣло, изволите видѣть, весьма простое и вотъ въ чемъ заключается.

Однажды въ сочельникъ рождественскій мы—я и мой товарищъ Яшка Сизовъ,—цѣлый день торчали на улицѣ. Мы предлагали свои услуги разнымъ барынямъ, по части

переноски ихъ покупокъ. Но барыни, намъ не внимая, садились на извозчиковъ и уѣзжали,—изъ чего вы видите, что намъ съ Яшкой совсѣмъ не везло. Мы также просили милостыню и этимъ способомъ настрѣляли немножко: я 29 к., изъ которыхъ гривенникъ, данный мнѣ какимъ-то бариномъ на крыльцѣ окружнаго суда оказался фальшивымъ, а Яшка,—парень вообще болѣе талантливый, чѣмъ я,—къ вечеру былъ настоящимъ богачемъ—у него было 11 р. 76к. Эту сумму, по его словамъ, сразу дала ему какая-то барыня, при чемъ она, барыня-то, была такъ великодушна и добра, что подарила Яшкѣ не только деньги, а и кошелекъ и даже носовой платокъ прибавила. Это знаете, бываетъ. Иногда человѣкъ въ такое состояніе отъ доброты приходитъ, что становится почти полоумнымъ и прямо изувѣчить васъ готовъ своей добротой, только-бы избыть ее...

Когда Яшка разсказывалъ мнѣ объ истинно-христіанскомъ поступкѣ этой барыни, онъ почему-то все оглядывался вокругъ себя—должно быть, хотѣлъ еще разъ поблагодарить добрую душу за щедрую милостыню... И все торопиль меня:

— Айда, айда скорѣе!..

А мы и безъ того бѣжали сломя головы. Я, всѣмъ существомъ моимъ, каждымъ кусочкомъ иззябшаго тѣла торопился скорѣе въ тепло. Дулъ вѣтеръ, взметывая снѣгъ съ дороги и сбрасывая его съ крышъ; холодныя и острые колючки летали въ воздухъ и сыпались мнѣ за шиворотъ. Рожу точно ножами скоблило, а шея до того иззябла, что, казалось, стала тоненькой, какъ палецъ, и готова была переломиться при неосторожномъ движеніи, такъ что я все пряталъ ее въ плечи, боясь потерять голову. Мы оба были одѣты не по сезону, но Яшкѣ было тепло отъ удачи, а мнѣ, отъ зависти, еще холоднѣй...

Я, видите-ли, не удачникъ, чортъ бы меня взялъ... Одинъ разъ въ жизни моей мнѣ подарили самоваръ, да и то съ горячей водой, такъ что, когда я бѣжалъ съ нимъ, вода ошпарила мнѣ ногу и, поэтому, я недѣли полторы лѣчился въ тюремной больницѣ. А другой разъ... Ну, да это къ дѣлу не относится...

Такъ вотъ—бѣжимъ мы это съ Яшкой вдоль по улицѣ, а онъ все мечтаетъ:

— Здорово мы встрѣтимъ праздникъ! За квартиру заплатимъ... Получи, вѣдьма! Н-да... Водки четверть... Окорокъ-бы? Мм... хорошо-бы окорокъ! У у! Дорого поди? Ты не знаешь, какъ нынче окорока—въ цѣнѣ?

Я не зналъ. Но я зналъ внутреннюю цѣну окорока, и мы рѣшили приобрести его, мы уговорились пойти покупать его въ ту лавочку, въ которой больше народу. Когда въ лавочкѣ тѣсно отъ покупателей,—значитъ въ ней хорошъ товаръ,—его, какъ, бывало, говорили латинцы, можно выбрать вещь по вкусу.

— Позвольте окорокъ!—Кричалъ Яшка втискиваясь въ толпу покупателей. Покажите мнѣ окорокъ... не изъ крупныхъ, но хороший... Извините и вы мнѣ тоже сѣдла-нули въ бокъ... Я очень хорошо понимаю, кто тутъ невѣжа... но знаю и то, что здѣсь съ вѣжливостью не возможно... Я не виновенъ что тутъ неудобно, тѣсно... Что-съ? Я вашъ карманъ щупалъ? Извините! Это ваша рука съ моей встрѣтилась, когда ко мнѣ за пазуху лѣзла... Я покупаю на деньги, вы на деньги—стало быть мы оба въ одинаковомъ правѣ...

Яшка такъ велъ себя въ лавкѣ, точно пришелъ покупать цѣлую партію окороковъ, штукъ въ триста. Я-же, пользуясь произведенной имъ суматохой, скромными моими средствами приобрѣлъ коробку мармелада, бутылку прованскаго масла и двѣ большихъ вареныхъ колбасы...

— Ну, вотъ мы и съ праздникомъ! радовался Яшка.—Попируемъ!.. Онъ подпрыгивалъ на ходу, громко шмыгалъ своей „форточкой“, какъ именовался его толстый и широкій носъ, а сѣрые глазки его такъ и сверкали отъ радости. Я тоже былъ радъ...

Израѣдка вкусно поѣсть—большое удовольствіе для маленькихъ людей.

И вотъ, сударь вы мой, двигаемся мы къ дому нашему, а вьюга насъ подгоняетъ. Жили мы въ ту пору на краю города, въ подвалчикѣ у одной благочестивой старушки, торговки на толчкѣ. Мѣста у насъ въ тѣхъ краяхъ глухія были, пустынные, бывало зимой послѣ шести часовъ вечера на ули-

цахъ—ни души! А ежели и появится какаянибудь фигура, такъ ужъ душу свою непременно въ пяткахъ несетъ.

Бѣжимъ мы и вдругъ видимъ—человѣкъ впереди насъ идетъ. Идетъ и шатается, очевидно пьяный. Яшка толкнулъ меня и шепчетъ:

— Въ шубѣ!..

А встрѣтить человѣка въ шубѣ, тѣмъ видите-ли, приятно, что ушубы пуговицы нѣтъ и очень ужъ легко она снимается. Идемъ мы сзади этого человѣка и видимъ—человѣкъ широкоплечій, росту не малаго... Бормочетъ что-то. Мы соображаемъ.

Но вдругъ онъ сразу остановился, такъ что мы чуть ему носами въ спину не воткнулись,—остановился, взмахнулъ руками да какъ рывкнетъ здоровеннѣйшимъ басищемъ:

— Я то-отъ, кого никто-о не лю-бюитъ...

Точно изъ пушки выстрѣлили! Мы оба такъ и шарахнулись отъ него. Но ужъ онъ замѣтилъ насъ. Всталъ спиной къ забору,—опытный человѣкъ!—и спрашиваетъ:

— Кто такіе? Жулики?

— Нищая братія... скромно отвѣтилъ ему Яшка.

— Нищѣ! Это хорошо... Ибо я тоже нищъ... духомъ... Куда идете?

— Въ конурку нашу... сказалъ Яшка.

— И я съ вами! Ибо—куда еще пойду?

Не куда мнѣ... Нищѣ! Возьмите меня съ собой! Кормлю и пою васъ... Пріютите меня... приласкайте!

— Зови!—шепнулъ мнѣ Яшка.

Я слышалъ въ ревушемъ голосѣ этого человѣка ноты пьяныя, но слышалъ въ немъ и еще нѣчто—вой и ревъ въ кровь распараннаго большого сердца. У меня есть хорошее чутье драмы, я въ свое время сфлеромъ въ театрѣ служилъ... И я сталъ усердно звать къ себѣ этого ревушаго человѣка...

— Иду! Иду къ вамъ, нищѣ!—гудѣлъ онъ во всю силищу своей широкой груди.

Мы пошли рядомъ съ нимъ и онъ говорилъ намъ:

— Знаете-ли вы, кто я? Я есть человѣкъ, бѣгущій праздника! Податной инспекторъ Гончаровъ, Николай Дмитричъ—вотъ я кто! У меня дома есть жена, тамъ дѣти у меня...

два сына... и я их люблю... Тамъ цѣты, картины, книги... Все это—мое... Все—красивое... Уютно и тепло у меня дома... Вотъ бы все, что есть у меня дома, вамъ-бы нишіе... Вы-бы долго пропивали все это... Вы—свиньи, конечно... и пьяницы... Но я,—не пьяница, хотя вотъ—пьянъ теперь. Я пьянъ потому, что мнѣ душно... Ибо въ праздникъ—мнѣ всегда тѣсно и душно... Вы этого не можете понять. Это—глубокая рана... это болѣзнь моя...

Я слушалъ его съ большимъ любопытствомъ. Мнѣ всегда, когда я вижу, больного и здороваго человѣка думается, что вотъ этотъ человѣкъ—несчастный есть. Потому что жизнь—не для здоровыхъ и большихъ людей. Жизнь сдѣлана для маленькихъ, слабенькихъ, худенькихъ, дрянненькихъ. Пустите осетра въ болото—онъ сдохнетъ въ немъ, непременно сдохнетъ. А лягушки, пѣявки и всякая другая дрянь не можетъ жить въ чистой, проточной водѣ. Для меня этотъ ревущій человѣкъ былъ очень любопытенъ...

И вотъ мы привели его къ себѣ, въ нашъ подвалъ, чѣмъ очень испугали хозяйку. Она такъ поняла, что мы завели его къ себѣ, чтобъ ограбить и хотѣла было сообщить о такомъ нашемъ намѣреніи полицейской власти. Мы ее успокоили, попросивъ старуху обратить вниманіе на наши чахлыя фигуры и на него—огромнаго, съ длинными ручищами, широкожогого, широкогрудаго... Онъ могъ удушить и насъ и старуху, и даже не вспотѣлъ бы отъ этого. Затѣмъ, успокоенная старушка была откомандирована въ кабакъ, а мы, втроемъ, сѣли за столъ.

Сидимъ мы въ миниатюрномъ логовищѣ нашемъ и возливаемъ понемножку на встречу праздника. Нашъ гость сбросилъ щубу и остался въ одной рубашкѣ, безъ жилета. Сидѣлъ онъ противъ насъ и ревѣлъ намъ:

— Вы, очевидно, жулики, я чувствую... Вы врете, что нишіе,—для нищихъ вы молодцы... И потомъ—глаза у васъ слишкомъ наглы... Но кто-бъ вы не были, мнѣ все равно! Я знаю, что вамъ не стыдно жить,—вотъ въ чемъ дѣло! А мнѣ—стыдно! И я бѣжалъ изъ дома отъ стыда...

Вы знаете, сударь мой, болѣзнь есть такая

нервная, пляской святого Витта называется она. Такъ вотъ есть люди, у которыхъ бо- в вѣсть болить этой болѣзью. И я видѣлъ, что инспекторъ именно изъ такихъ людей.

— У меня въ домѣ—все, все устроено такую порядочную нсгу, Это ужасно приятно,—жить на порядочную ногу! Все разставлено и развѣшано разъ навсегда и такъ приросло къ мѣсту, что даже землетрясеніе не способно сдвинуть всѣхъ этихъ стульевъ, картинъ, этажерокъ... Они пусти- корни и въ полъ, и въ душу моей жены.

Они, деревянные и бездушные, вросли въ нашу жизнь и я самъ не могу жить безъ ихъ участія. Вы понимаете? Отъ привычки ко всей этой деревянной дряни—самъ даже привыкаешь. Привыкаешь къ ней, заботишься о ней, чувствуешь къ ней жалость, чортъ возьми! Она все растетъ и стѣсняетъ васъ, она выталкиваетъ воздухъ вонъ изъ комнаты и вамъ нечѣмъ дышать. Теперь она—эта армія привычекъ, нарядилась къ празднику, вымылась, вытерлась и—блеститъ. Противно блеститъ. Она смѣется надо мной... Да! Она знаетъ: когда-то у меня было ея всего три: койка, стулъ и столъ. Былъ еще портретъ Герцена... Теперь у меня сотня мебели... Она требуетъ, чтобы на ней сидѣли люди, достойные ея цѣны... Ну, и ко мнѣ являются сидѣть на ней достаточные люди...

Инспекторъ тянулъ стаканъ водки и продолжалъ:

— Это все порядочные люди, это полумертвые люди, это благочестивыя коровы, воспитанныя прѣсными травами съ луговъ российской словесности... Мнѣ съ ними—не вырази-мо скучно, я издыхаю отъ запаха ихъ рѣчей... Я уже все знаю, что могутъ они сказать и знаю, что они ничего не могутъ сдѣлать для того, чтобы стать живѣе, интереснѣе. У—у! Они страшные люди по тупости ихъ душъ... Они всѣ тяжелые такіе, большущіе и слова у нихъ тяжелые, какъ камни... Они могутъ раздавить человѣка... Когда они приходятъ ко мнѣ, мнѣ кажется, что вотъ меня обкладываютъ кирпичами, хотятъ замуровать въ глухую стѣну... Я ихъ ненавижу... Но я не могу ихъ выгнать вонъ и потому я боюсь ихъ... Ихъ не я привлекаю къ себѣ... Я человѣкъ угрюмый, молчаливый... Они приходятъ просто для того,

бы сидеть на моей мебели... Я однако и белъ не могу выбросить вонь—ее любить она... У меня жена ради мебели и существуетъ, ей Богу! Она уже и сама стала де-рявая...

Инспекторъ хохоталъ, прислонясь спиной стѣнѣ. А Яшка, которому должно быть было скучно было слушать инспекторовы опли, воспользовавшись перерывомъ въ его изсказѣ, сказалъ:

— А вы бы, ваше благородіе, эту самую белъ изломали объ жену...

— Что-бъ?

— Т. е... видите сразу - бы эдакъ—вонь!

— Дур-ракъ!

Онъ тряхнулъ пьяной головой и, опустивъ на грудь, просто сказалъ:

— Ужасно тошно! И—какъ я одинокъ! Автра праздникъ... А я не могу... я не могу быть дома.. Рѣшительно не могу!

— У насъ погостите!—предложилъ Яшка.

— У васъ?—Инспекторъ оглянулся во-ругъ:—наша квартирнка была насквозь про-мочена и пропитана грязью.

— У васъ тоже гадко... Но, слушайте, вы, эрти!.. Мы переѣдемъ въ гостиницу—идеть? Автра? И будемъ пьянствовать! Хотите? И идемъ думать... Какъ жить, подумаемъ! Идетъ? Ей Богу,—вѣдь надо перестать жить порядочной жизнью, пора! Да? Вы, впрочемъ, дулики и вамъ это не понятно...

— Я понимаю, въ чемъ дѣло!—сказалъ я инспектору.

— Ты? Ты кто?—спросилъ онъ меня.

— Я тоже бывший порядочный человѣкъ... сказалъ я.—Я тоже испыталъ прелести без-питежнаго и мирнаго житія. И меня выжи-тали изъ жизни ея мелочи... Они выжали, вытѣснили изъ меня и душу и все, что въ ней было... я тосковалъ, какъ вы теперь запилъ, и спился... имѣю честь представиться!

Инспекторъ вытаращилъ на меня глаза и много въ угрюмомъ молчаніи любовался мною. Его толстыя, красныя губы, я видѣлъ, брез-ливо вздрагивали подъ пушистыми усами, а носъ сморщился совсѣмъ нелестно для меня.

— Весь тутъ?—вдругъ спросилъ онъ.

— Весь и—omnia mea tecum porto!—под-твердилъ я.

— Кто же ты такой?—спросилъ онъ, все разсматривая меня.

— Человѣкъ... Всякая сволочь—есть че-ловѣкъ... и наоборотъ...

Я раньше былъ великій мастеръ говорить афоризмами.

— Мм... премудро,—сказалъ инспекторъ, не сводя съ меня глазъ.

— Мы народъ тоже образованный,—скром-но заговорилъ Яшка.—Мы можемъ вамъ со-отвѣтствовать вполне... Люди простые, а безъ ума... И тоже—мебели разной роскош-ной не любимъ... Къ чему она? Вѣдь чело-вѣкъ не рожей на стулъ садится.. Вы вотъ подружитесь съ нами...

— Я?—спросилъ инспекторъ. Онъ какъ-то сразу протрезвился.

— Вы! Мы вамъ завтра такія тайны жи-зни откроемъ...

— Подай мнѣ шубу!—вдругъ приказалъ Яшкѣ инспекторъ, поднимаясь на ноги. И на ногахъ онъ стоялъ совершенно твердо.

— Вы куда-же?—спросилъ я.

— Куда?

Онъ съ испугомъ посмотрѣлъ на меня большими, телячьими глазами и вздрогнулъ: точно озябъ.

— Я... домой...

Посмотрѣлъ я на его вытнувшееся ли-цо и ничего больше не сказалъ. Каж-дому скоту уготованъ судьбою хлѣвъ по при-родѣ его и сколь бы скоть не лягался,—на мѣстѣ, уготованномъ ему, онъ будетъ... хе, хе, хе!

Такъ и ушелъ инспекторъ... Слышали мы, какъ, выйдя на улицу, онъ во все горло ряв-кнулъ:

— Извозчикъ!..

Собесѣдникъ мой замолчалъ и началъ пить пиво медленными глотками. Выпивъ стаканъ, онъ началъ свистать и барабанить пальцами по столу.

— Ну и что же дальше? спросилъ я.

— Дальше? Ничего... А вы чего ожидали?

— Да... праздника...

— Ахъ, вотъ что! Праздникъ—былъ...

Я не сказалъ, что инспекторъ подарилъ Яшкѣ свой кошелекъ... Въ немъ оказалось 26 рублей съ копѣйками... Праздникъ былъ...

М. Горькій.